

Ева Зими́на

Фиктивная
невеста
ледяного
дракона

Драконы Севера

Ева Зими́на

**Фиктивная невеста
ледяного дракона**

«Автор»

2026

Зими́на Е.

Фиктивная невеста ледяного дракона / Е. Зими́на — «Автор»,
2026 — (Драконы Севера)

Один неснимаемый браслет — и моя жизнь летит под откос. Я всего лишь реставрировала фамильную реликвию герцога Вальдера. Но древнее серебро само защёлкнулось на моём запястье — на глазах у свидетелей. Теперь весь двор уверен: безродная мастерица — невеста ледяного дракона Севера. Сам герцог в ярости. Я в ужасе. Выход один: фиктивная помолвка до зимнего солнцестояния, когда браслет можно будет снять. Договор на семь пунктов. Пункт седьмой: никаких чувств. Вот только браслет чует ложь и теплеет от правды. А у меня слишком много секретов: запретный дар огня, сгоревшая мастерская отца и враг, который смотрит на меня слишком пристально. И ещё — сердце, которое не читало седьмой пункт.

© Зими́на Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Случайная метка	5
Глава 2. Семь пунктов договора	8
Глава 3. Правила Нордхольма	11
Глава 4. Уроки для невесты	14
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Ева Зими́на

Фиктивная невеста ледяного дракона

Глава 1. Случайная метка

Утро, в которое моя жизнь полетела под откос, началось с запаха гари.

Я подскочила на узкой кровати в комнатке над лавкой, готовая тушить, прятать, отпираться, — и только потом сообразила: горело не у меня. Сосед-пекарь опять передержал противень. Обычное дело для улицы Жестянщиков, где всё немного подгоревшее: хлеб, репутации, надежды.

Я выдохнула и разжала кулаки. На ладонях гасли крошечные искры — рыжие, тёплые, живые. Мои. Те самые, за которые в нашей славной империи полагается Обитель Пепла и клеймо на запястье.

— Спим дальше, — велела я искрам, и они послушно нырнули под кожу.

Скрывать дар я научилась в пятнадцать, за одну ночь, когда он проснулся и спалил занавеску. Отец тогда не ругался. Отец молча затёр коготь, сел напротив и сказал: «Запомни, Мира. Огонь — это не то, что ты делаешь. Это то, что ты есть. А того, что ты есть, империя боится больше всего».

Отца не было в живых уже три года, а я всё ещё просыпалась по его правилам: проверить руки, проверить дыхание, проверить, не пахнет ли от меня дымом.

Внизу ждала лавка. «Лорин: артефакты и реставрация» — облупленные золотые буквы на тёмной вывеске. Когда-то к отцу записывались за месяц. Теперь я перебивалась починкой амулетов от моли и продажей светильников, которые честно отработывали полгода и гасли навсегда.

А ещё внизу, на прилавке, лежало письмо. Я не убрала его вчера — наверное, надеялась, что за ночь оно устыдится и сгорит само.

«Контора "Гарвен и сыновья" уведомляет: задолженность в размере восьмисот империалов подлежит погашению в десятидневный срок. В случае неуплаты имущество лавки будет описано и реализовано с торгов».

Восьмисот империалов. Столько лавка не приносила и за два хороших года, а хороших годов у меня не случалось давно. Долг остался от отца — точнее, от пожара, который сожрал его мастерскую, заказы и его самого. Страховая контора нашла тысячу причин не платить. Контора «Гарвен» нашла одну причину навестить меня уже через неделю после похорон.

Я перевернула письмо текстом вниз, повязала рабочий фартук и открыла лавку. Что бы ни происходило, в девять я поднимаю решётку. Это тоже было отцовское правило, и оно держало меня лучше любых амулетов.

До полудня заглянули трое. Госпожа Випс принесла брошь-оберег, которая «жужжит не в той тональности». Студент-теоретик час листал каталог и купил карандаш. Третьим был мальчишка-посыльный: контора «Гарвен» интересовалась, помню ли я о сроках. Я ответила, что о сроках помню, а вот о вежливости в их конторе, видимо, забыли. Мальчишка ухмыльнулся и исчез.

А в четыре пополудни дверь открылась так, что колокольчик не звякнул, а захлебнулся.

Их было двое. Первый — военная выправка, серый мундир без знаков различия, цепкий взгляд, которым обычно пересчитывают выходы из помещения. Второй вошёл следом, и в лавке стало тесно.

Не потому, что он был огромен, — хотя высок он был, и плечи у него имелись такие, что дверной проём ему пришлось уважить наклоном головы. Тесно стало, потому что температура упала. Честно, ощутимо, на несколько градусов: моё дыхание вылетело облачком, а стекло витрины подёрнулось у края морозной вязью.

Чёрное пальто с высоким воротом. Чёрные волосы. Лицо из тех, что чеканят на монетах — и монетам потом холодно. И глаза: светлые, серебристо-голубые, цвета льда на большой глубине, где лёд уже не белый, а синий, и где никто никогда не плавал.

Я узнала его раньше, чем он представился. Такие лица не нуждаются в представлении — их печатают в газетах между словами «герой северной кампании» и «последний из ледяных».

Кайрен Вальдер. Герцог Севера. Дракон.

— Лавка Лорина? — голос у него оказался под стать глазам.

— Лавка Лорин, — поправила я. — Дамиан Лорин умер. Я его дочь. Чем могу помочь, ваша светлость?

Он скользнул взглядом по полкам — быстро, профессионально, как человек, который ищет конкретную вещь и привык её находить.

— Семь лет назад на аукционе конфискованного имущества ваш отец приобрёл лот номер сто четырнадцать. Шкатулка северной работы, нераспечатанная. Мне нужно её содержимое.

Лот сто четырнадцать я помнила. Отец называл его «слепым ящиком» и смеялся, что купил кота в мешке у самой казны. Внутри оказались потускневшие столовые приборы, сложенная музыкальная шкатулка и браслет — серебряный, тяжёлый, со спящим синим камнем. Красивый, но мёртвый: ни одна проверка не показала в нём ни искры магии. Отец положил его в дальний ящик со словами «пусть отлежится» — и браслет отлёживался семь лет.

— Содержимое продано по частям, — сказала я. — Кроме одной вещи. Серебряный браслет с синим камнем. Если речь о нём.

Что-то дрогнуло в ледяных глазах. Не радость — у таких лиц не бывает радости. Скорее, окончание долгой охоты.

— О нём.

— Он был куплен законно, ваша светлость. С аукционным листом и печатью казначейства.

— Я не оспариваю покупку. Я её выкупаю. Назовите цену.

Где-то на задворках сознания пискнула самая практичная часть меня: «Восемьсот имперIALов! Проси восемьсот!» Я велела ей помолчать. Просить у дракона сумму своего долга — всё равно что показать ему горло.

— Сначала я его принесу, — сказала я. — Цену обсудим, когда вы убедитесь, что это та самая вещь.

Браслет лежал там же, где отец его оставил, — в нижнем ящике, в коробке, выстланной серым бархатом. Я взяла коробку, вернулась к прилавку и откинула крышку.

Дальше всё произошло очень быстро и очень медленно одновременно.

Камень, семь лет притворявшийся мёртвым, вспыхнул синим — глубоким, живым, как глаза человека напротив. Браслет шевельнулся. Я отдернула руку — поздно. Серебро текуче, по-змеиному обвилось моё запястье, и замок сомкнулся с тихим щелчком, который прозвучал в звенящей тишине лавки громче выстрела.

Вспышка света ударила в потолок. Снаружи кто-то вскрикнул, в окно прилипли два любопытных лица, военный в сером мундире шагнул вперёд, наполовину вытащив клинок.

А я стояла и смотрела на своё запястье, где синий камень бился мягким светом — в такт моему обезумевшему сердцу.

— Дарек, — очень тихо произнёс герцог. — Закрой дверь.

Дверь закрылась. Щёлкнул засов. Любопытные лица за стеклом расплоснулись ещё любопытнее.

— Снимите его, — сказал герцог.

— С удовольствием.

Я дёрнула браслет. Потом ещё раз. Потом подцепила замок реставрационным крючком, прошлась размыкающим амулетом, капнула растворителем для фиксирующих чар — на запястье осталось холодное серебро и полное равнодушие к моим усилиям. Камень светился ровно и, могу поклясться, самодовольно.

— Он не снимается, — констатировала я очевидное.

— Я вижу.

Герцог обошёл прилавок. Вблизи холод, шедший от него, ощущался как открытая дверь в погреб. Он взял мою руку — пальцы у него оказались ледяные и неожиданно осторожные — и повернул запястье к свету. Я почувствовала, как браслет потеплел. Самую малость. Как будто обрадовался.

— Знаете, что это? — спросил герцог, не поднимая глаз.

— Артефакт минимум третьего круга, северная школа, возраст не меньше четырёхсот лет, — отбарабанила я. — Назначение неизвестно. До сегодняшнего дня считала его пустышкой.

— Это браслет Первой невесты. Семейная реликвия дома Вальдеров, украденная из Нордхольма двадцать лет назад. — Он наконец посмотрел на меня, и мне захотелось накинуть шаль. Две шали. — По традиции его надевают избраннице главы дома в день помолвки. Считается, что браслет сам узнаёт ту, что предназначена.

В лавке стало очень тихо. Слышно было, как за стеклом перешёптываются зеваки и как у меня в ушах стучит кровь.

— Снимается он только в святилище Сердца Севера, в ночь зимнего солнцестояния, — продолжил герцог тем же ровным тоном, каким, наверное, зачитывают приговоры. — До той поры — никак. Я проверял. Двадцать лет назад его пытались снять с воровки четыре мастера. Браслет сломал им инструменты и терпение, а потом уснул.

— Солнцестояние через семь недель, — услышала я собственный голос.

— Да.

— И всё это время он будет у меня на руке.

— Да.

— Браслет. Невесты. Вашего дома.

— Вы быстро считаете, госпожа Лорин.

Капитан у двери издал звук, подозрительно похожий на сдавленный кашель. За окном зевак прибавилось: теперь там стояла и булочница, и оба её подмастерья, и, кажется, мальчишка из конторы «Гарвен» — вот уж кто получит сегодня премию за новости.

Герцог Севера медленно выпустил мою руку. Посмотрел на свет в синем камне. На толпу за стеклом, которая уже не скрываясь тыкала пальцами. На меня — с выражением человека, у которого в плане на день этого пункта не значилось, но который привык перекраивать планы на ходу.

— Поздравляю, госпожа Лорин, — ледяным тоном произнёс он. — Вы только что стали моей невестой.

Глава 2. Семь пунктов договора

Городской особняк герцога Вальдера стоял в посольском квартале и выглядел так, словно его выстроили из отказов: серый камень, чёрная ограда, ни одного лишнего украшения. Даже плющ на стене рос ровными рядами, будто подписал устав.

Меня привезли туда на следующее утро в карете без гербов. Капитан Дарек всю дорогу молчал, и только у самых ворот произнёс единственную фразу:

— Не торгуйтесь с ним дольше необходимого. Он этого не выносит.

— Спасибо, — сказала я. — Значит, буду торговаться вдвое дольше.

Мне показалось, что в уголках его глаз мелькнуло что-то одобрительное. Впрочем, могло и показаться: люди герцога, как я успела заметить, выражали эмоции примерно с той же щедростью, что и их хозяин.

Кабинет оказался под стать дому: книги, карты северных провинций, ни одного портрета. Герцог стоял у окна. При моём появлении он обернулся, окинул меня взглядом — быстрым, оценивающим, как давеча полки в лавке, — и указал на кресло напротив стола.

— Садитесь. У нас мало времени и много дела.

— Доброе утро и вам, ваша светлость.

— Утро перестало быть добрым вчера в шестнадцать часов, — он сел за стол и придвинул ко мне лист, исписанный убористым почерком. — К полудню новость о помолвке Ледяного дракона знала половина столицы. К вечеру — вторая половина и, что хуже, дворец. Сегодня я получил письмо с поздравлениями от его величества и приглашением представить невесту ко двору. Отказаться невозможно. Объявить произошедшее ошибкой — тоже.

— Почему? Скажите правду: артефакт сработал сам, на случайную женщину.

— Потому что правда в данном случае хуже лжи. — Он откинулся в кресле. В утреннем свете его глаза казались почти белыми. — Вы не знаете контекста, госпожа Лорин, так что слушайте. Совет лордов второй год требует, чтобы я женился. Неженатый дракон моего возраста и моей силы считается... нестабильным. Лорд-казначей Морвейн любезно предлагает мне в жёны свою воспитанницу — а вместе с ней своих советников, своих управляющих и свой интерес к моим землям. Я отказываюсь. Пока у меня не было повода, это выглядело упрямством. Теперь повод есть: браслет Первой невесты признал избранницу. В глазах двора это решает всё. Древняя магия, воля рода, традиция. С традицией не спорит даже Морвейн.

— А когда на солнцестоянии браслет с меня свалится?

— К тому моменту сезон закончится, давление совета будет снято, а помолвку можно будет тихо расторгнуть по обоюдному согласию. Невеста не сошлась характером с Севером. Поверьте, в это поверят охотно.

Я посмотрела на своё запястье. Синий камень мерцал ровно, безмятежно, как будто не он вчера сломал мне жизнь.

— Значит, вам нужна фиктивная невеста на одну зиму.

— Мне нужна, — он выделил голосом, — убедительная фиктивная невеста на одну зиму. Это разные профессии.

— И вы решили нанять меня, потому что...

— Потому что выбора нет ни у вас, ни у меня. Браслет не снимется до солнцестояния. Всё, что мы можем, — обставить неизбежное с выгодой для обеих сторон. — Он постучал пальцем по листу. — Условия.

Я взяла лист. Почерк у герцога был как он сам: ровный, холодный, без наклона.

Пункт первый: госпожа Лорин сопровождает герцога Вальдера на всех официальных мероприятиях зимнего сезона в качестве наречённой невесты.

Пункт второй: стороны придерживаются согласованной легенды знакомства.

Пункт третий: госпожа Лорин переезжает в замок Нордхольм на весь срок действия соглашения.

Пункт четвёртый: герцог принимает на себя долговые обязательства лавки Лорин в полном объёме.

Пункт пятый: по окончании срока госпожа Лорин получает вознаграждение в размере трёхсот империалов и рекомендательное письмо гильдии артефакторов.

Пункт шестой: содержание соглашения составляет тайну сторон.

Пункт седьмой...

Я перечитала седьмой пункт дважды.

— «Стороны обязуются не допускать возникновения личных привязанностей», — процитировала я вслух. — Вы вписали в договор запрет на чувства?

— Я вписал в договор источник всех осложнений в подобных предприятиях. — Ни тени смущения. Полагаю, смущение у него конфисковали при рождении вместе с улыбкой. — Это деловое соглашение, госпожа Лорин. Деловые соглашения разрушаются, когда стороны начинают хотеть больше, чем подписывали.

— Не льстите себе, ваша светлость. — Я положила лист на стол. — Влюбиться в вас — всё равно что влюбиться в январь.

— Превосходно. Значит, седьмой пункт не доставит вам неудобств.

— Никаких. Но у меня правки по четвёртому и пятому.

Он приподнял бровь на миллиметр. Для его лица это, видимо, было бурной мимикой.

— Долг лавки — восемьсот империалов, — сказала я. — Но лавка стоит закрытой, пока я изображаю невесту. Это семь недель упущенного заработка, сорванные заказы и клиенты, которые уйдут и не вернуться. Вознаграждение — пятьсот. И отдельной строкой: герцог не вмешивается в дела лавки ни сейчас, ни после. Она моя.

— Четыреста.

— Пятьсот. Вы покупаете не услуги компаньонки, ваша светлость. Вы покупаете молчание единственного человека, который знает, что помолвка Ледяного дракона — подделка. Молчание стоит дорого. Спросите у своего казначея.

Пауза. За окном ветер гнал по двору первый снег. Герцог смотрел на меня так, словно пересчитывал заново — и итог его, кажется, удивлял.

— Пятьсот, — согласился он. — И рекомендательное письмо. И, поскольку вы предпочитаете точность: если вы нарушите шестой пункт, я разорю вас быстрее, чем контора «Гарвен» успеет прислать поздравительную открытку.

— Договорились. — Я взяла перо. — Кстати о «Гарвене». Долг им лучше выплатить сегодня. Эти люди умеют превращать десять дней в три.

— Долг уже не у «Гарвена». — Он сказал это между делом, подвигая мне чернильницу, и не заметил, как я замерла. — Мои люди выкупили обязательства утром. Занятно: контора уступила долг мгновенно и дешевле номинала, хотя такие конторы скорее удавятся. Как будто кому-то было важно избавиться от бумаг до того, как ими заинтересуются.

— Что это значит?

— Понятия не имею. Пока. — Светлые глаза сузились. — Я не люблю «пока», госпожа Лорин. Оно имеет привычку дорого обходиться.

Я обмакнула перо и подписала: «М. Лорин» — буквы вышли твёрже, чем я себя чувствовала. Герцог поставил свою подпись напротив, приложил перстень, и по бумаге пробежала голубоватая искра магической печати.

И в этот самый момент браслет на моём запястье потеплел.

Не обжёг — потеплел. Мягко, глубоко, как нагретый солнцем камень, как ладонь поверх ладони. Синее свечение на миг стало золотистым по краю.

Я вскинула глаза. Герцог смотрел на браслет. Потом — на меня. Что-то прошло по его лицу — быстрое, как трещина по льду, — и исчезло.

— Тепловой отклик на магическую печать, — ровно сказал он. — Обычное дело для старых артефактов.

— Разумеется, — так же ровно ответила я. — Обычное дело.

Мы оба солгали, и мы оба это знали. Но седьмой пункт был уже подписан, чернила высыхали, а за окном снег засыпал столицу — первый снег той зимы, которая, как честно обещал договор, должна была закончиться ничем.

— Выезжаем завтра на рассвете, — герцог поднялся, давая понять, что аудиенция окончена. — Соберите тёплые вещи. Север не прощает лёгкого отношения.

— К погоде?

— Ни к чему, госпожа Лорин. Север не прощает лёгкого отношения ни к чему.

Глава 3. Правила Нордхольма

Север начался не с границы на карте, а с тишины.

Сначала из-за окна кареты исчезли деревни. Потом — деревья, кроме сосен, чёрных и прямых, как штрихи туши. Потом снег съел дорогу, и карету сменили сани, а над санями встало небо такой высоты и чистоты, что хотелось говорить шёпотом.

Герцог почти всю дорогу работал с бумагами. Я смотрела в окно и составляла мысленный реестр: четыре заставы, два моста северной кладки, один обоз с рудой, ноль улыбок на лицах встречных. К исходу третьего дня, когда солнце уже легло на горы, сани вынесли нас на гребень холма, и я забыла про реестр.

Нордхольм стоял над замёрзшим фьордом — не стоял даже, а вырастал из скалы, словно гора однажды решила стать замком и почти преуспела. Башни из серого камня и синего льда, стены, в которых горел закат, и над самой высокой башней — медленное полотнище северного сияния, зелёное с лиловым.

— Он изо льда? — вырвалось у меня.

— Частично. — Герцог даже не поднял головы от бумаг. — Лёд Нордхольма не тает. Его держит Сердце.

— Какое сердце?

— Узнаете. Если заслужите.

Я хотела уточнить, как заслуживают экскурсии, но сани уже влетели в ворота, и стало не до вопросов.

Челядь выстроилась во дворе двумя идеальными шеренгами. Над шеренгами поднимался пар от дыхания, и ни одно лицо не выражало ровным счётом ничего. Во главе стояла женщина лет шестидесяти — прямая, как клинок, в сером платье с связкой ключей на поясе. Взгляд у неё был такой, что я машинально проверила, чистые ли у меня сапоги.

— Гретта, домоправительница, — представил герцог. — Гретта, это госпожа Лорин. Моя невеста.

По шеренгам прошло движение — не шёпот даже, а его тень. Гретта присела в безупречном поклоне, выпрямилась и оглядела меня с головы до ног со скоростью таможенного досмотра.

— Добро пожаловать в Нордхольм, госпожа, — сказала она голосом, которым обычно сообщают о заморозках. — Ужин в восемь. Завтрак в семь. Опоздавших не ждут.

— Договорились, — кивнула я. — А обед?

— Обед заслуживают.

Северное гостеприимство, поняла я, было местной разновидностью спорта. Что ж. Я выросла на улице Жестянщиков. У нас спортом было выживание, и я держала первый разряд.

Комнаты мне отвели в восточной башне: спальня, гостиная, гардеробная размером с мою бывшую лавку и вид на фьорд, от которого перехватывало дыхание. Камин горел — но горел как-то стерильно, ровным синеватым пламенем, не дававшим ни искры, ни запаха дыма.

— Холодный огонь, — пояснила Гретта, перехватив мой взгляд. — Алхимический. Живого пламени в Нордхольме не жгут.

— Почему?

— Потому что так заведено. — Она помедлила и добавила, уже у двери: — И потому что лёд этого дома не любит огня, госпожа. Запомните это. Целее будете.

Дверь закрылась. Я села на кровать и посмотрела на свои ладони, под кожей которых жил тот самый огонь, которого не любит этот дом.

— Семь недель, — сказала я ладоням. — Ведите себя прилично семь недель, и мы вернёмся домой.

Ладони не ответили. Браслет на запястье мерцал ровно и, как мне почудилось, насмешливо.

Правила замка мне выдали вечером, письменно, почерком Гретты, похожим на изморозь: где можно ходить, где нельзя, когда подают ужин, как обращаться к слугам. Последний пункт был подчёркнут дважды: «Западное крыло закрыто. Вход воспрещён без исключений».

За ужином — длинный стол, два прибора в разных концах, гулкая тишина — я спросила про крыло у герцога.

— Это не обсуждается, — ответил он, не отрываясь от супа.

— Я спросила не «можно ли», а «почему». Я реставратор, ваша светлость. Запертые двери — моя профессиональная слабость.

Он поднял глаза. В свете холодного огня они отливали сталью.

— Не подходите к западному крылу. Никогда. Это единственное правило этого дома, за нарушение которого договор будет расторгнут без выплат. Я понятно излагаю?

— Предельно.

— Хорошо. — Он вернулся к супу, помолчал и вдруг добавил, тише: — Там нет ничего ценного, госпожа Лорин. Там есть только то, чему лучше оставаться запертым.

Ночью я не могла уснуть.

Сначала думала — с непривычки: слишком тихо, слишком просторно, простыни пахнут морозом и лавандой. Потом поняла: браслет. Он не светился — он тянул. Мягко, настойчиво, как ребёнок за рукав: туда, туда, туда.

Я честно боролась четверть часа. Потом накинула шаль, взяла свечу — настоящую, из своего багажа, с живым огоньком — и вышла в коридор.

Браслет вёл уверенно: вниз по лестнице, через галерею, где со стен смотрели заиндевшие портреты людей с одинаково светлыми глазами, мимо доспехов, в которых отражалась моя свеча. И остановил меня перед дверями — двустворчатыми, тёмного дерева, перетянутыми поперёк полосой синего льда, как печатью.

Западное крыло.

Лёд на двери был старый, слоистый, и внутри него... Я подняла свечу выше. Внутри льда вились морозные узоры, и они двигались. Медленно, едва заметно — расходились и сходились, расходились и сходились, словно дверь дышала. Словно за ней спало что-то огромное, и лёд был его рёбрами.

Я протянула руку — не к двери, просто ближе, — и узоры подались навстречу моему теплу, как подсолнухи к солнцу. Браслет на запястье разгорелся синим. Из-под двери потянуло не холодом — тоской. Я не знаю, как ещё назвать это чувство: будто стоишь у двери, за которой кто-то очень давно ждёт, и уже забыл, чего.

— Вы быстро осваиваетесь.

Я подпрыгнула. Свеча выпала; герцог поймал её на лету — пламя при этом съёжилось, но выжило. Он стоял в трёх шагах, без камзола, в одной рубашке, словно холод был ему домашней одеждой. И смотрел не на меня — на дверь, на дышащие узоры во льду.

— Браслет привёл, — честно сказала я. — Я не открывала.

— Я знаю. Открыть её вы не смогли бы. — Он отдал мне свечу. Пальцы у него были ледяные, а взгляд — усталый, как у человека, которого подняли не от сна, а от бессонницы. — Возвращайтесь к себе, госпожа Лорин.

— Что там, за дверью?

Он молчал так долго, что я решила: не ответит. Узоры во льду расходились и сходились. Расходились и сходились.

— Зима, — сказал он наконец. — Там зима, которая не закончилась. Идите спать.

Утром, спустившись к завтраку ровно в семь, я обнаружила на столе письмо с золотым обрезом и печатью в виде солнца. Гретта стояла рядом с видом барометра, предвещающего бурю.

— Из дворца, — сказал герцог, вскрывая печать. Пробежал глазами, и его лицо, и без того не южное, похолодело ещё на пару широт. — Его величество переносит зимний бал. Через двенадцать дней мы обязаны быть в столице. — Он поднял на меня взгляд. — Двенадцать дней, чтобы сделать из вас герцогиню, госпожа Лорин. Надеюсь, вы быстро учитесь.

— А если нет?

— А если нет, нас обоих съедят. — Он сложил письмо. — На балу будет весь двор. Включая лорда-казначея Морвейна. Запомните это имя. Из всех людей империи он единственный, кто станет искать в нашей помолвке трещину. И единственный, кто умеет находить.

Глава 4. Уроки для невесты

Следующие дни Нордхольм дрессировал меня, как породистого щенка.

С утра — этикет с Греттой: семнадцать видов поклонов, старшинство титулов, какой вилкой едят северного лосося и почему герцогине не положено говорить «ага». После обеда — легенда. Мы с герцогом сочинили её вдвоём, как два фальшивомонетчика: познакомились полгода назад, когда его светлость инкогнито заказал в моей лавке реставрацию фамильного артефакта. Долгая переписка. Сдержанная симпатия. Браслет лишь подтвердил то, что уже случилось.

— Лучшая ложь, — заметил герцог, — на четыре пятых состоит из правды. Артефакт, лавка, переписка — всё проверяемо. Непроверяема только симпатия.

— Её-то Морвейн и будет проверять.

— Именно. Поэтому репетируем симпатию.

Репетировать симпатию с Кайреном Вальдером оказалось занятием, достойным отдельной баллады. Он подавал мне руку так, словно конвоировал государственную преступницу. Я улыбалась ему так, что у самой сводило скулы. Гретта наблюдала за нами с выражением человека, которому предстоит продавать этот спектакль публике, и публику ей было заранее жаль.

— Безнадёжно, — вынесла она вердикт на третий день. — Ваша светлость, вы смотрите на невесту как на рапорт о недоимках. Госпожа, вы держите его руку как горячую кочергу.

— Потому что он холодный, — огрызнулась я. — У меня пальцы стынут.

— А у меня от вас ладонь третий день как обожжённая, — парировал герцог. — Я списывал это на ваш характер.

Мы уставились друг на друга. Гретта переводила взгляд с него на меня, и в её глазах барометра впервые показалось что-то, кроме бури. Что-то подозрительно похожее на интерес.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.